

УДК 94(7):902.2(7)

Беляев Д.Д.
Beliaev D.D.

**Под сенью Птичьего Божества:
формирование идеологии царской власти
на Гватемальском нагорье в I тыс. до н.э.**

**In the shadow of the Bird's Deity:
formation of ideology of royal power on Guatemalan uplands in I thousand BC**

В работе на основе археологических и, в особенности, эпиграфических, источников рассматривается процесс становления сложной социально-политической организации, составляющий основное содержание истории Юго-Восточной Мезоамерики в формативный период.

Ключевые слова: *Мезоамерика, Гватемала, доколумбовые культуры, вождество, раннее государство, идеология царской власти*

On the basis of archaeological and, in particular, epigraphic, sources the author considers the process of the formation of the complex socio-political organization, the main content of the history of South-East Mesoamerica in the formative period.

Key words: *Mesoamerica, Guatemala, pre-Columbian cultures, chiefdom, early state, the ideology of royal power*

Быстрое становление сложной социально-политической организации составляет основное содержание истории Юго-Восточной Мезоамерики в формативный период¹. Если в начале I тыс. до н.э. лишь в некоторых регионах существовали сложные вождества с крупными поселениями, а их окружали мелкие простые вождества или автономные деревенские общины, то уже через 700 лет вся эта обширная область была покрыта сетью динамично развивающихся могущественных политий и густонаселённых протогородских центров.

БЕЛЯЕВ Дмитрий Дмитриевич, к.и.н., доцент Мезоамериканского центра им. Ю.В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва). **E-mail:** lakamha@mail.ru

Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ, ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (госконтракт № 14.740.12.1356 «Эпиграфическое наследие доколумбовых культур Америки: новые подходы в изучении древних цивилизаций»)

¹ Формативный или доклассический период в истории Мезоамерики охватывает конец III тыс. до н.э. – начало I тыс. н.э. и традиционно подразделяется на раннеформативную (до X в. до н.э.), среднеформативную (X–IV вв. до н.э.) и позднеформативную (IV в. до н.э. – II в. н.э.) фазы. Иногда в его конце выделяют протоклассическую фазу (I в. до н.э. – II в.н.э.).

Традиционно этот ареал, включающий в себя Центральный Чьяпас, Гватемальское нагорье и тихоокеанское побережье, рассматривался либо как периферия культуры ольмеков, в которой развитые сложные вождества возникли ещё во второй половине II тыс. до н.э. [1], либо как часть обширной области майя (так называемая «Южная область»). К настоящему времени стало ясно, что это особый регион, отличавшийся полиэтничностью и культурным многообразием, который играл самостоятельную роль в древней истории Мезоамерики [42].

Центральное Гватемальское нагорье – один из важнейших центров Юго-Восточной Мезоамерики вплоть до испанского завоевания. Культурная история этого района хорошо известна благодаря археологическим исследованиям в 1940 – 1970-х гг. Наиболее важный памятник в долине Гватемалы – Каминальхуйю (название, данное местными жителями, означает «Холм Мёртвых»). Первые упоминания о его руинах датируются концом XVII в., когда монументальностью его руин был впечатлён хронист Франсиско Антонио де Фуэнтес-и-Гусман. Первый план городища был составлен в 1899 г. Альфредом Маудсли. До середины 1930-х гг. здесь работали Антонио Батрес, Мануэль Гамио, Сэмюэл Лотроп и братья Хосе и Карлос Вильякорта, которые и дали городищу его имя. В 1935 – 1950 гг. в Каминальхуйю были проведены масштабные раскопки экспедицией Института Карнеги под руководством А. Киддера и Э. Шука. В 1968 – 1970 гг. новый масштабный проект Университета штата Пенсильвания под руководством У. Сандерса совместил раскопки и региональное обследование, которое позволило наметить основную траекторию демографической и социально-политической эволюции [23; 40; 11; 10; 13; 36; 19; 26; 28; 29].

Эволюция социально-политической структуры на Гватемальском нагорье в доклассический период

На этапе Аревалло (1200 – 1000 гг. до н. э.) в долине обитало около 1400 человек, которые жили в небольших деревушках. Резкий рост населения (до 7875 человек) произошёл в фазу Лас-Чаркас (1000 – 750 гг. до н. э.). Появляются деревни большего размера (Каминальхуйю на берегу озера Мирафлорес и две на южном берегу озера Атитлан), но отчётливой группировки остальных поселений вокруг них не наблюдается [28, с. 84–86]. Культовая и домашняя архитектура практически не отличается. В то же время элементы материальной культуры, прежде всего элитная керамика и украшения из жада, по мнению

Э. Шука и М. Попенос де Хатч свидетельствуют о наличии социальной стратификации [39, с. 296]. Другая важная черта общества этого времени – высокий уровень развития каменной индустрии. Большое количество технологических отходов (отщепы, обломки), образовавшихся при изготовлении призматических ножевидных пластин из обсидиана, было найдено в 4 мусорных ямах на периферии Каминальхуйю. Это указывает на развитое ремесленное производство, которое осуществлялось квалифицированными ремесленниками. Основным месторождением вулканического стекла был Эль-Чайяль [39, р. 293 – 294].

Недавние охранные раскопки Б. Арройо в Наранхо всего в 3 км к северу от Каминальхуйю, показали, что картина политического развития долины в первой половине I тыс. до н.э. была гораздо сложнее. Несмотря на то, что точные размеры памятника определить уже невозможно, его эпицентр включал несколько земляных насыпей-маундов и 34 каменных монумента, а вокруг него располагались жилые постройки. В X в. до н.э. на Южной платформе был сооружён Маунд 1, перед которым были воздвигнуты несколько рядов монументов. В основном, это гладкие стелы, алтари и базальтовые колонны, и лишь на монументе 27

сохранились следы изображения [7]. Судя по масштабам строительства, Наранхо уже в начале I тыс. до н.э. представлял собой крупный политический центр, который затмевал близлежащий Каминальхуйю.

Короткая фаза Махадас (750 – 700 до н.э.), носящая характер скорее интрузивного комплекса, ограниченного центральной частью Каминальхуйю, представлена церемониальным тайником, заложенным в маунде С-III-6. Он состоял из каменной плиты, которая лежала на дне открытой ямы. Вокруг плиты располагались три гладких колонны из базальта, похожие на обнаруженные в Наранхо, базальтовая стела (стела 9) и основания двух пьедестальных скульптур [27, р. 248]. На плите лежал череп птицы или животного, внутри которого находились 290 бусин и подвесок из зелёного жада, изначально составлявшие большое ожерелье. Рядом с черепом стояла антропоморфная статуэтка из матового серо-зелёного жада. Статуэтка и череп были накрыты шкурой животного или куском ткани, покрытым тонким слоем извести и раскрашенной в розовый цвет. Этот первый уровень тайника был сверху засыпан посудой, которую бросали вниз с края ямы [38, р. 465-466; 22, р. 567; 39, р. 297].

Сооружение этого масштабного тайника, безусловно сопровождавшееся массовым ритуалом, ознаменовало важные изменения в обществе Каминальхуйю. Судя по майским аналогиям классического периода, его можно рассматривать как закладную жертву, которая маркировала начало церемониального строительства на площади, образованной маундами С-III-6, С-III-6, С-IV-8 и С-IV-7.

Начало фазы Провидения (700 – 400 гг. до н. э.) знаменуется быстрым сложением надобщинной социально-политической организации в долине Гватемалы. Общее население увеличивается до 27 600 человек, впервые выделяются «церемониальные центры» – поселения с монументальной архитектурой, представленной 10-15 маундами, расположенными вокруг площадей, ориентированных на северо-восток [28, с. 86]. Судя по двухуровневой поселенческой иерархии, в Гватемале складываются первые вождества. По материалам обследования Университета штата Пенсильвания, их было определено восемь (Пьедра-Парада, Канчон, Санта-Исабель, Куйа и Вирхиния на плато Канчон, Барсенас и Сан-Хосе в южной части долины и Каминальхуйю – в северной).

Лучше всего было исследовано вождество Каминальхуйю, объединявшее около 10 000 человек (около 2680 – в столице). Ядро центрального поселения состояло из двух похожих архитектурных групп [26]. В Каминальхуйю известны церемониальные тайники с изделиями из жада и изящной керамикой, а также массовое захоронение, включавшее 33 черепа (видимо, черепа пленников), скелет женщины низкого ранга (рабыни или пленницы), изящную керамику, обсидиан и слюду [43]. По мнению археологов Пенсильванского проекта, в это время город был разделён на 5 основных архитектурных комплексов, вытянутых вдоль центральной оси и состоящих из большого конического маунда до 9 м в высоту без видимых следов построек сверху, внутри которого располагались захоронения, и нескольких невысоких платформ, на которых располагались жилища элиты [36, р. 98; 26].

Вопрос о взаимоотношениях между Каминальхуйю и Наранхо остаётся неясным. Хотя в последнем продолжается строительство (Северная платформа и маунды 2 и 3), на их сооружение было затрачено меньше усилий. Продолжается расширение жилой зоны, однако к концу V в. до н.э. Наранхо забрасывается [6, р. 189-190]. Отсутствие следов военной активности позволяет предположить, что мы имеем дело с перемещением политического центра из Наранхо в Каминальхуйю. В таком случае перестаёт казаться необъяснимым внезапный всплеск церемониальной

и монументальной активности в последнем со второй половины VIII в. до н.э. Примечательно, что такой специфический вид монументов, как базальтовые колонны, впервые отмечается именно в Наранхо, где, скорее всего, и зародилась традиция их изготовления.

С началом среднеформативной фазы в горных долинах Гватемалы и Чиапаса радикально меняется схема распространения обсидиана. Материал месторождения Эль-Чайяль перестаёт поступать в районы Центральночапасской впадины, та же картина наблюдается в крупнейшем ольмекском центре того времени Ла-Венте. В то же время значительное количество вулканического стекла из Эль-Чайяля продолжало поступать на тихоокеанское побережье и в ольмекский Сан-Лоренсо. Путь на побережье Мексиканского залива через северные долины и Усумасинту из Эль-Чайяля тоже был закрыт, поскольку и низменные районы майя получали обсидиан из Сан-Мартин-Хилотепек [30].

По-видимому, это свидетельствует о формировании двух систем политических и торговых союзов: Ла-Вента – Сан-Исидро – Чиапа-де-Корсо – Акапулько – Санта-Роса – Ла-Либертад и Сан-Лоренсо – Лагуна-Сопе (восток Оахаки) – Цуцукули – Масатан – Ла-Бланка – Эскуинтла – Каминальхуйю. Контакты Каминальхуйю с долинами южного побережья Гватемалы отражаются и в керамике [33, p. 147].

В фазу Вербена (400 – 200 гг. до н. э.) в долине Гватемалы происходит демографический сдвиг: плато Канчон теряет 45% населения, районы у озера Амаститлан – около 40%, южная долина – около 20%. Меняется и поселенческая система: на плато Канчон исчезают все пять прежних церемониальных центров, в упадок приходят крупные деревни в южной долине. В противовес в северной долине отмечается 15-процентный рост, а Каминальхуйю превращается в крупный центр с населением в 3140 человек [28, p. 86, 89]. Очевидно, соседние вождества были завоёваны, а их обитатели были насильственно переселены в метрополию нового сложного вождества со столицей в Каминальхуйю.

Население гватемальской долины в целом несколько уменьшилось приблизительно с 27 600 человек до 25 000 человек [28, p. 86]. Такое уменьшение могло быть вызвано экспансией в другие районы Горной Гватемалы. В фазу Ареналь (200 до н.э. – 100 н.э.) рост населения долины возобновляется, достигая 30 тыс. человек, население Каминальхуйю К. Мёрди оценивает в 4670 человек [28, p. 86, 94].

Фазы Вербена (400 – 200 до н.э.) и Ареналь (200 до н.э. – 100 н.э.), на которые приходится расцвет Каминальхуйю, часто объединяют под неточным ярлыком «Мирафлорес», однако гватемальские археологи настаивают на том, что этот термин следует применять к такому явлению как «сфера Мирафлорес» – культурной общности, которая отражает новую систему межрегиональных альянсов, складывающейся в Юго-Восточной Мезоамерике в начале позднеформативного времени и охватывающей центральное гватемальское нагорье, южное и юго-восточное побережье, Сальвадор и запад Гондураса [17]. На севере эта система смыкается с конгломератом сложных вождеств низменных майя. Центральный Чиапаса, где доминирует Чиапа-де-Корсо, и эпиольмекские политии побережья Мексиканского залива продолжают составлять соперничающую систему. Как важный узел в неё входят горные вождества северо-западных долин Гватемалы (Эль-Киче, Чимальтенанго, Сакатепекес). Ранее эти районы объединялись с Каминальхуйю в одну культурную традицию, но в IV – III вв. до н. э. эта традиция распадается [33, p. 147].

Традиционные оценки площади Каминальхуйю в эпоху позднеформативного расцвета составляют 5 кв. км, однако по мнению Дж. Каплана площадь поселения могла быть минимум в два раза больше [21, p. 245-248]. Ядро города (группы С, В и D) охватывало озеро Ми-

рафлорес с севера и востока и было образовано открытыми площадями или группами платформ, расположенных параллельно. Количество архитектурных комплексов выросло до 14, теперь они представляют собой квадратные в плане площади, окружённые многоуровневыми маундами и платформами. Самые высокие маунды, один из которых достигал 18 м, теперь служили основаниями для храмов, к которым вели лестницы. Более низкие подпрямоугольные платформы служили основаниями для жилищ элиты. На фоне всех этих комплексов существенно выделяется своими размерами группа Е-III-3, включающая по меньшей мере из 7 маундов. Объём строительства храмовой пирамиды Е-III-3 составил около 75000 куб. м, в то время как, например, в группе В-III-1 храмовый маунд имеет объём всего 5000 куб. м. [36, р. 100]. Важность группы Е-III-3 подчёркивается тем, что в ней Э. Шукком и А. Киддером в 1952 г. были раскопаны богатейшие позднеформативные погребения, датирующиеся фазой Ареналь.

Быстро растущее население требовало большого количества пищевых ресурсов, и для их производства в начале IV в. до н.э. началось сооружение гигантского оросительного канала Сан-Хорхе длиной почти 2 км и шириной до 18 м, который вёл от озера Мирафлорес на юг, в сельскохозяйственную зону. От него отходили ответвления, которые разводили воду по полям. Масштабы сооружения, а также сложная гидравлическая система, обеспечивающая постоянный ток воды и её очищение от песка, свидетельствуют о развитой инженерии и привлечении большого количества людей к строительству. Возможно, именно для работников, занятых на строительстве и очистке канала, функционировала обширная кухня, раскопанная в 1984 г. На площади в 165 кв. м располагалась большая печь, и очаги, и зона приготовления пищи [34].

Вопрос о размерах и структуре политического объединения с центром в Каминальхуйю остаётся предметом дискуссий. В то время как Ф. Боув придерживается минималистского взгляда [13, р. 111-113], Дж. Каплан осторожно полагает, что его можно считать ядром сферы Мирафлорес [21], а М. Лав придерживается средней позиции [25]. Хотя на западе контроль Каминальхуйю не доходил до месторождения Сан-Мартин-Хилотепек, ещё до середины III в. до н. э. Каминальхуйю подчинило месторождения обсидиана в Эль-Чайяле (в 35 км к северо-востоку). Монополизировав торговлю этим стратегическим ресурсом, правители Каминальхуйю наладили связи с вождествами Баха-Верапаса и, таким образом, получили доступ к путям далее на север. В связи с этим, с началом позднеформативного периода в низменностях майя быстро распространяется обсидиан из Эль-Чайяля, вытесняя материал из Сан-Мартин-Хилотепек. Следует отметить, что эти события совпадают с экспансией майя на запад, в верхнее течение Грихальвы и в бассейн Усумасинты – области, ранее заселённые михе-соке. С появлением в этом районе майя состав обсидиана резко меняется: теперь он на 90% происходит из Эль-Чайяля [14]. Археологические данные свидетельствуют, что к концу I в. до н.э. Каминальхуйю подчинило долину Салама [37, р. 434], по-видимому, установив контроль над торговым путём, ведущим в низменности майя.

Таким образом, если в долине Гватемалы Каминальхуйю располагалось на вершине трёхуровневой иерархии, состоявшей из собственно центра, поселений второго уровня с одной или несколькими площадями, иногда с гладкими стенами и мелких поселений деревенского типа [28], то на региональном уровне он контролировал ещё ряд горных долин, ранее независимых. Такая четырёхуровневая структура характерна как для ранних государств, так и для суперсложных вождеств [3; 4].

От вождей к царям: верховная власть в Каминальхуйю

Первые иероглифические надписи в Каминальхуйю также датируются периодом Вербена-Ареналь. Однако, несмотря на определённое сходство знаков с позднейшими иероглифами майя, эти тексты ещё не читаются. В этой связи свидетельства оформления верховной власти в Каминальхуйю ограничиваются материалами погребений и иконографией, представленной на монументах.

Погребения Каминальхуйю среднеформативной эпохи (VIII – IV вв. до н.э.) не отличаются богатством инвентаря. Резкие изменения происходят уже в поднеформативное время, в период Вербена/Ареналь; погребения этой эпохи сосредоточены в восточном секторе города, в группах E-III-3 и D-IV-2.

После четырёх строительных этапов храмовая пирамида E-III-3, выстроенная из адобов (кирпича-сырца) достигала в объёме 9 тыс. куб. м. Следующая фаза увеличила его более чем вдвое, на 13 тыс. куб. м. В центральной её части было заложено погребение I. Вытянутое тело располагалось на спине головой на юг на деревянном помосте или носилках, руки были вытянуты по бокам. Пол погребальной камеры был вложен циновками, на которых был помещён погребальный инвентарь. Несмотря на то, что погребение было частично разграблено ещё в древности, археологи задокументировали 345 артефактов, включая 298 сосудов, изделия из жада, раковин и гематита, обсидиановые инструменты, кость ягуара или пумы и др. Особенно важным представляется «фигурный кремь» в виде топора.

Следующий этап предусматривал надстройку ещё одной пирамиды объёмом около 14 тыс. куб. м. Она перекрывала ещё одно богатое захоронение (погребение II). Его общее расположение свидетельствует, что его строители знали о месте погребения I и сознательно ориентировались на него. Количество сохранившихся артефактов в погребении II меньше (около 200). Они включают керамику, изделия из жада, раковин и слюды, обсидиан, пиритовые зеркала и др. Покойник также лежал на деревянном помосте, его голову украшала маска, составленная из 31 куса альбита, которые крепились на деревянной основе [20, p. 441-446].

Последняя перестройка увеличила пирамиду ещё на 37 тыс. куб. м., однако уже не была связана с захоронениями. Хотя относительная хронология построек сомнений не вызывает, абсолютная хронология неясна. Либо пятый и шестой этапы открывают фазу Ареналь [36] и в соответствии с хронологией

Э. Шука и М. Попеноэ де Хатч приходятся на II в. до н.э., либо они завершают эту фазу и приходятся на III в. до н.э. [38].

Менее богатое захоронение было раскопано в 1950-е гг. С. Борхедь в маунде D-IV-2. Инвентарь включал 71 сосуд, обсидиановые призматические ножевидные пластины, 9 резных каменных сосудов и украшения из жада и слюды [36, p. 102]. Его точная привязка к одной из фаз неизвестна, но размещение между III в. до н.э. и I в. н.э. сомнений не вызывает.

Характерной чертой погребального обряда в Каминальхуйю является присутствие сопроводительных жертв. В погребении I и D-IV-2 вместе с правителем был похоронен по одному взрослому мужчине. В погребении II спутников трое – юноша 18-20 лет и два ребёнка.

Захоронения в других группах значительно менее богаты. Ни одно из погребений, раскопанных археологами Университета штата Пенсильвания в группе B-III-1, не имело более 4 сосудов, некерамические артефакты включали обсидиан и каменные зернотёрки. В таких погребениях отсутствуют и сопроводительные жертвы.

Мнение К. Мёрди, что наличие богатых погребений как в группе Е-III-3, так и в D-IV-2, свидетельствует об отсутствии централизации власти в Каминальхуйю [28, р. 103] следует признать несостоятельным. Во-первых, группа Е-III-3 составляла единый ансамбль с примыкающими группами сектора «D». Во-вторых, три описанных выше захоронения не являются синхронными. Погребение I и II представляют собой захоронения двух последовательно сменявших друг друга правителей, правивших во второй половине III в. до н.э. или в первой половине II в. до н.э.

Обширный корпус скульптур Каминальхуйю в настоящее время включает более 150 монументов и их фрагментов, которые разбросаны в рамках полуторатысячелетнего периода. Однако, несмотря на такое большое количество, перед исследователями встаёт сразу несколько проблем. Во-первых, этот корпус отличается большим разнообразием типов, мотивов и сюжетов. Среди памятников встречаются гигантские головы, «пузатые скульптуры», стелы, алтари, силуэтные монументы, «грибные камни», скульптуры с пьедесталами, а также ряд скульптур, не попадающих ни в одну из этих групп. Во-вторых, для значительного числа памятников отсутствуют данные об их археологическом контексте, в связи с чем разделение его на хронологическо-тематические группы очень сложно¹. В третьих, большая часть доклассических и протоклассических монументов в первой половине III в. н.э. были намеренно повреждены или практически уничтожены [31, р. 97].

Стела 9 представляет собой один из первых опытов монументальной скульптуры в Каминальхуйю. Изображение нанесено на 3 грани базальтового столба. Бородатый человек что-то произносит (это маркировано мезоамериканским знаком завитка речи), обращаясь вверх. Под его ногами располагается крокодилоподобное существо, голова и хвост которого высечены на боковых гранях. Головной убор с украшением, напоминающим трилистник, большие серьги и ожерелье свидетельствуют о высоком социальном статусе, хотя обнажённый фаллос показывает, что он не носит полного костюма. Трилистник на головном уборе, по-видимому, первый пример изображения в иконографии горной Гватемалы основного элемента короны правителя в Мезоамерике, который ведёт своё происхождение от початкообразной головы бога кукурузы. Исходя из всех этих черт, протагонист стелы 9 – это вождь, который, стоя на крокодиле, представляет земной мир и обращается ввысь. Изображение его с бородой подчёркивает его связь со старостью и предками.

Так называемые «пузатые скульптуры» (англ. potbelly sculptures, исп. barrigones) – одна из характерных черт монументального искусства Гватемальского нагорья и тихоокеанского побережья [35; 27, р. 244-246; 32; 9, р. 231-233]. Они представляют собой выполненные из каменных глыб грубые изображения сидящих толстых людей со сложенными на животе руками и с закрытыми глазами. В настоящее время известно около 100 таких памятников. В целом они относятся к концу среднеформативного и позднеформативному периодам (вторая половина I тыс. до н.э. – начало н.э.), хотя лишь немногие из них были найдены в археологическом контексте. Эпицентром этого стиля являлось гватемальское побережье, где сосредоточено более половины всех монументов, в Каминальхуйю их известно 15, включая несколько обезглавленных.

Раскопки А. Демареста в Санта-Летисии на сальвадорском побережье – единственное несомненное доказательство того, что в древности пузатые скульптуры входили в состав иконографических программ. Три пузатых скульптуры были установлены в ряд по линии север – юг на обширной террасе у подножия холма Серо-де-Апанека, сооружённой в I в. до н.э. – I в. н.э. [16].

¹ См. различные подходы С. Майлс [27] и Л. Парсонса [31].

Семантика пузатых скульптур остаётся предметом дискуссии. Л. Парсонс связывал их и схожие с ними каменные головы из Монте-Альто с изображением умерших правителей или пленников [41, p. 45], Дж. Каплан считает, что они изображают правителей в их связи со сверхъестественным [20, p. 285-286]. Особняком стоит мнение П. Амароли, который на основании единственной скульптуры из Сальвадора, на которой отчётливо видны груди, выдвинул гипотезу, что они изображали женщин и связаны с культом богини земли и плодородия [5]. Однако присутствие в Монте-Альто монументов в виде каменных голов с закрытыми глазами, практически полностью идентичных головам пузатых скульптур, заставляет отнестись к этой гипотезе скептически, поскольку в Мезоамерике отрубленные головы связаны с военной иконографией и культом человеческих жертвоприношений. По-видимому, версия, что пузатые скульптуры изображают умерших предков (отсюда и закрытые глаза) остаётся наиболее правдоподобной. В её пользу говорят и материалы из Санта-Летисии, так как выставление скульптур в ряды или линии – характерная черта монументальных программ, связанных с культом правителя или почитанием предков.

Синхронно пузатым скульптурам Парсонс располагает ряд стел или панелей (5, 16, 19 и 4), которые, по его мнению, характеризуются специфической иконографией, включающей так называемые «маски драконов». Некоторые из них действительно изображают головы крокодилов, однако в ряде случаев в эту категорию были отнесены доклассические изображения бога дождя. Так стелы 19 и 4 несомненно изображали танцующее божество дождя, который держит двумя руками над головой гигантского змея, олицетворяющего небесный свод. Сюжетно они больше похожи на стелы «мифологической группы» из Исапы, поэтому отнесение их к V – III вв. до н.э. вызывает определённые сомнения.

Однако постепенно самым важным типом монументальной скульптуры Каминальхуйю становятся массивные стелы и алтари, тесно связанные с культом власти. Традиция сооружения этих памятников практически идеально совпадает с фазами Вербена/Ареналь. К сожалению, отсутствие на стелах Каминальхуйю фиксированных календарных дат не даёт возможности для их датировки, а указанные выше особенности монументального корпуса не позволяют пока провести убедительную сериацию по иконографическим признакам.

В отличие от не менее известного корпуса стел Исапы, тематически стелы Каминальхуйю не настолько разнообразны. На них практически отсутствуют столь популярные в Исапе мифологические мотивы и многофигурные сцены. Основной мотив является для Мезоамерики классическим – изображение правителя.

Судя по стратиграфии, а также исходя из стилистического анализа, одним из наиболее ранних монументов Каминальхуйю является стела 10, обнаруженная Э. Шуком в 1957 г. в яме между Маундами D-III-10 и D-IV-2 на глубине 146 см. В отличие от других монументов, она изготовлена не из вулканических пород, а из гранита, что обусловило прекрасную сохранность. Она изображает стоящего в профиль и смотрящего влево мужскую фигуру в маске-короне в виде головы «Верховного Птичьего Божества». Маска увенчана ещё одним изображением «Верховного Птичьего Божества», у которого вместо глаза вписана раковина, заканчивающаяся тремя листовыми побегами. В позднейшей мезоамериканской традиции в головные уборы правителей и знати часто вписываются их именные иероглифы. Этот приём известен и в Каминальхуйю (монумент 65). Однако в случае стелы 10 такой вариант маловероятен, поскольку верхний элемент маски-короны практически идентичен верхнему элементу на короне правителя, изображённого на позднеформа-

тивной жадовой подвеске, хранящейся в коллекции Дамбартон-Оакс (США). Там это, однако, не имя, поскольку именной иероглиф дважды встречается в тексте и изображён рядом с правителем.

За спиной мужчины накидка в виде крыльев, он одет в юбку и подпоясан богато украшенным поясом, обуви на ногах нет. В левой руке он держит топор с фигурным лезвием, изготовленным из кремня, что передано тщательным вырезанными сколами и ретушью, в правой – жезл или какое-то оружие, за правой рукой изображены свисающая вниз сложенная вдвое полоса ткани. Фигура стоит на стилизованном изображении земли, заимствованном из искусства Исапы, у ног – две курительницы, украшенные шипами, а над головой парит распростёртое крылья «Верховное Птичье Божество». Судя по всему, на стеле 11 представлено наиболее раннее изображение ритуала, в котором правитель выступает имперсонатором «Верховного Птичьего Божества».

Имперсонация божеств – одна из характерных черт общемезоамериканского идеологического комплекса [18], особенно важную роль игравшая у майя, но берущая начало ещё в среднеформативное время. Она качественно отличалась от простой ассоциации правителей с богами: в случае имперсонации проводящий её непосредственно приобретал сущность божества. В классических текстах майя это описывается формулой 'u-baahil 'a'n («его самость есть сущность [имя божества]»). Судя по источникам классического и постклассического периода, проведение ритуала имперсонации считалось одной из важнейших обязанностей верховного правителя. Правители Каминальхуйю имперсонировали разных божеств – «Верховное Птичье Божество» (стела 11) и старого бога с глазом-трилистником (стела 10).

Появление в иконографии Каминальхуйю «Верховного Птичьего Божества» – главная новация IV – III вв. до н.э. Впервые это орнитоморфное сверхъестественное существо было выделено Л. Бардавилем в 1970-е гг. на материале майя [8]. Последующие исследования, прежде всего К. Таубе [41], показали, что эта гигантская птица играла важную роль в религиозно-мифологических представлениях не только майя, но и других культур Южной Мезоамерики, начиная с позднеформативного времени. В классической мифологии майя оно объединяется со «старым богом» Ицамом в единое существо, которое принято называть Ицамной (по имени одного из верховных постклассических богов майя), хотя в действительности его имя читается по-другому.

Прообразом гигантской хищной птицы с выдающимся клювом, гребнем из перьев на голове и мощными когтистыми лапами могла быть гарпия (*Harpia harpyja*) – крупнейший птичий хищник американских неотропических лесов. Примечательно, что О. Чинчилья показал, что на стеле 25 из Исапы «Верховное Птичье Божество» изображено с зубастой вагиной и, таким образом, является самкой [15]. Такая интерпретация находится в разительном контрасте с отождествлением этого существа с майяским Ицамной. Однако одной из характерных особенностей гарпий является то, что самки почти в два раза крупнее самцов (9 кг против 4,8 кг). Вероятно, изначальная версия «Верховного Птичьего Божества» было гарпией-самкой, а позднее его женская природа была забыта.

С начала позднеформативного времени «Верховное Птичье Божество» считается покровителем власти во всей низменной части Мезоамерики, включая эпиольмекские полинии побережья Мексиканского залива и область майя. Судя по настенным росписям в Сан-Бартоло, у майя во II – I вв. до н.э. с ним был связан миф о происхождении царской власти, в котором первым царём становился бог кукурузы Ишим, отбравший царские регалии у «Верховного Птичьего Божества». В Каминальхуйю культ этого божества также носил более широкий характер:

его изображают на росписях и в виде архитектурных штукатурных масок [21, p. 263].

Следующая по хронологии стела 10 знаменует оформление специфического стиля Каминальхуйю, в котором элементы стиля Исапы ассимилируются. Этот монумент был найден в 1955 г. Г. Эспиносой в той же яме, что и стела 11, но полуметром выше. Памятник уже в древности был расколот на три части и повреждён, однако сохранилась значительная часть рельефа и процарапанная иероглифическая надпись. По мнению Парсонса, в действительности это не стела, а алтарь [41, p. 69], в то время как Каплан полагает, что монумент служил тронем [20, p. 315].

Вся сцена обрамлена по периметру изображением циновки (этот мотив встречается также на стелах 8 и 67) – одного из универсальных символов власти в Мезоамерике. В центре на постаменте изображён правитель в профиль, смотрящий влево. У него глаз в виде смотрящего вниз трилистника, а во рту выдающийся Т-образный зуб, в ухе сложная ушная вставка. За спиной крылья, а перед лицом высечено календарное имя «7 Орёл». В левой руке он держит топор, идентичный топору на стеле 11, с которого свисает свёрнутая верёвка. За его спиной изображена коленопреклонённая женщина со свисающими грудями; на поясе за её спиной прикреплена голова-маска предка за спиной. Её именной иероглиф «8 Ягуар» сохранился очень хорошо. Над женщиной изображена голова или маска божества словно бы парящая в воздухе. Это довольно странное существо с вытянутым носом и зубами. Каплан полагает, что это умерший предок [20, p. 320-322].

Стела 8 сохранилась крайне плохо, но по прорисовке Дж. Портера сцена на ней практически идентична стеле 11, за исключением того, что правитель смотрит вправо.

Судя по иконографическим элементам, правитель «7 Орёл» также выступает как имперсонатор, но не «Верховного Птичьего Божества», а одного из старых богов, знак в виде головы которого в иероглифике майя используется для записи силлабограммы уе.

Стела 67 в паре с алтарём 68 была обнаружена в конце 1990-х гг. при раскопках маунда D-IV-2. Хотя на обоих монументах сохранилась только нижняя часть сцены, они представляют собой яркий пример искусства и идеологии Каминальхуйю. Стела 67 обрамлена снизу полосой в виде циновки, протагонист смотрит влево, перед ним стоит коленопреклонённый человек со связанными руками. На алтаре 68 протагонист смотрит вправо, а по обеим сторонам от него изображены два коленопреклонённых мужчины, опознающиеся по обнажённым пенисам.

Стела 67 и алтарь 68 отличаются от стел 11 и 10 и представляют собой наиболее ранний пример триумфальных монументов, которые отражают начало активных завоеваний Каминальхуйю за пределами долины Гватемалы в III – I вв. до н.э. Тем не менее, военная функция верховной власти очевидна и на других памятниках. Топор, служащий символом власти правителя стелы 11 и «7 Орла», это не кельт – символ бога дождя, связанный с молнией и плодородием, а фигурный кремьень. Как отметил Л. Парсонс, он идентичен фигурному кремню, найденному в погребении I [41, p. 66]. По-видимому, этот артефакт был важным символом власти в Каминальхуйю во III – II вв. до н.э.

Обнаруженный случайно в 1983 г. монумент 65 представляет собой редкий пример двусторонней стелы. На стороне А изображены три идентичные сцены: правитель на троне, окружённый с двух сторон пленниками. Сторона В сохранилась хуже, но можно различить фигуру стоящего правителя и коленопреклонённого пленника, а также небесные символы. Парсонс [41, p. 58], а также Каплан [20, p. 357] относят этот памятник с II – I вв. до н.э., однако характер резьбы резко отличает

его от выполненных в технике высокого рельефа стел эпохи Вербена/Ареналь. В пользу более поздней датировки говорят и чётко прописанные в головных уборах правителей и пленников именные иероглифы, нехарактерные для стел 11 и 10. По предположению

А.И. Давлетшина, монумент 65 должен датироваться первыми веками нашей эры, незадолго до начала фазы Аврора (200 – 400 н.э.).

К более позднему периоду относятся ещё два важных монумента – алтари 1 и 2. Правая часть алтаря 1 отколота, однако его композиция аналогична алтарю 2. В сцене представлены две богато одетые фигуры, смотрящие друг на друга, разделённые колонкой иероглифических блоков из двух столбцов. К сожалению, контуры и детали иероглифов не сохранились. Сходство композиции двухфигурной сцены с монументами Абах-Такалика (алтарь 13, стела 2 и 5), которые датируются II в. н.э., позволяет предположительно отнести алтари из Каминальхуйю к концу фазы Ареналь (I в. н.э.) или к следующей фазе Санта-Клара (100 – 200 н.э.), которая завершает позднформативный расцвет города.

Остальные стелы и алтари Каминальхуйю, которые можно отнести к позднеформативному времени, сохранились лишь фрагментарно (Стела 1, 6, 12, 15, 18, 20, 21, 22, 25, 26, 28, алтари 8 и 14).

Анализ монументальной программы, созданной в Каминальхуйю в IV – I вв. до н.э. показывает, что параллельно с его превращением в региональный центр и объединением долины Гватемалы в единое политическое целое, формируется новый комплекс представлений о власти. Старые представления о связи с предками хотя и не исчезают полностью, но отходят на второй план. В центре новой идеологии стоят две темы: имперсонация божеств и военный триумф правителя.

Литература

1. Беляев Д.Д. Ещё раз к вопросу о социально-политической организации ольмекской культуры // Политическая антропология традиционных и современных обществ: материалы международной конференции. Владивосток: Издательский дом Дальневост. федерал. ун-та, 2012. С. 3-29.

2. Давлетшин А.И. Символы власти в ранней юго-восточной Мезоамерике: текст и иконография на стеле 5 из Абах-Такалика, Гватемала // Власть в аборигенной Америке. Проблемы индеанистики. М., 2006. С. 142-158.

3. Карнейро Р. Процесс или стадии: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 84-94.

4. Крадин Н.Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 314-336.

5. Amaroli, P. A newly discovered potbelly sculpture from El Salvador and a reinterpretation of the genre // *Mexicon*. 1997. Vol. 19, No. 3. P. 51-53.

6. Arroyo B. *Cronología // Entre cerros, cafetales y urbanismo en el valle de Guatemala: Proyecto de Rescate Naranja / Ed. por B. Arroyo. Guatemala, 2010. P. 185-194.*

7. Arroyo B. *Monumentos // Entre cerros, cafetales y urbanismo en el valle de Guatemala: Proyecto de Rescate Naranja / Ed. por B. Arroyo. Guatemala, 2010. P. 57-103.*

8. Bardawil L.W. The Principal Bird Deity in Maya Art: An Iconographic Study of Form and Meaning // *The Art, Iconography, and Dynastic History of Palenque, Part III. Proceedings of the Segunda Mesa Redonda de Palenque, 1974* / Ed. By M.G. Robertson. Pebble Beach, 1976. P. 195-209.

9. Bernal I. *El mundo olmeca*. México, 1968.

10. Borhegyi S. de. Archaeological Synthesis of the Guatemala Highlands // *Handbook of Middle American Indians. Part 1: Archaeology of Southern Mesoamerica*. Austin, 1965. P. 3-58.

11. Borhegyi S. de. The Development of Folk and Complex Cultures in the Southern Maya Area // *American Antiquity*. 1956. Vol. 21. P. 343-356.

12. Borhegyi S. de. Settlement Patterns in the Guatemala Highlands // *Handbook of Middle American Indians. Part 1: Archaeology of Southern Mesoamerica*. Austin, 1965. P. 59-75.

13. Bove F. The People with No Name: Some Observations about the Plain Stelae of Pacific Guatemala, El Salvador, and Chiapas with Respect to Issues of Ethnicity and Rulership // *The southern Maya in the Late Preclassic: the rise and fall of early Mesoamerican civilization* / Ed. By M. Love and J. Kaplan. Boulder. 2011. P. 77-114.

14. Bryant D., Clark J. Los primeros mayas precolombinos de la cuenca superior del Río Grijalva // *Antropología e historia de los mixe-zoques y mayas: (Homenaje a Frans Blom)*. México, 1983.

15. Chinchilla O. La Vagina Dentada: Una Interpretación de la Estela 25 de Izapa y las Guacamayas del Juego de Pelota de Copán // *Estudios de Cultura Maya*. 2010. Vol. 36. P. 117-144.

16. Demarest A., Switsur R., Berger R. The Dating and Cultural Associations of the "Potbellied" Sculptural Style: New Evidence from Western El Salvador // *American Antiquity*. 1982. Vol. 47, No. 3. P. 557-571.

17. Demarest A., Sharer R. Late Preclassic Ceramic Spheres, Culture Areas, and Cultural Evolution in the South-eastern Highlands of Mesoamerica // *The Southeast Maya Periphery* / P.A. Urban and E. Schortman, eds. Austin, 1986. P. 195-223.

18. Houston S.D., Stuart D. The Ancient Maya Self: Personhood and Portraiture in the Classic period // *RES: Anthropology and Aesthetics*. 1998. Vol. 33. P. 73-102.

19. Kaminaljuyu and Teotihuacan: A Study in Prehistoric Culture Contact. University Park, 1977.

20. Kaplan J. Rulership and Ideology at Late Preclassic Kaminaljuyu: A Comparative study. Unpublished PhD. dissertation. Yale University, 1999.

21. Kaplan J. Miraflores Kaminaljuyu: Corpse and Corpus Delicti // *The southern Maya in the Late Preclassic: the rise and fall of early Mesoamerican civilization* / Ed. By M. Love and J. Kaplan. Boulder. 2011. P. 237-286.

22. Kidder A.J. Archaeological Investigations at Kaminaljuyu, Guatemala // *Proceedings of the American Philosophical Society*. Philadelphia, 1961. Vol. 105. P. 559-570.

23. Kidder A.J., Jennings J., Shook E. Excavations at Kaminaljuyu, Guatemala. Washington, 1946.

24. Lathrap S. Stone Sculptures from the Finca Arevalo, Guatemala // *Indian Notes*. New York, 1926. Vol. 3, № 3. P. 147-171.

25. Love M. Cities, States and City-State Culture in the Late Preclassic Southern Maya Region // *The southern Maya in the Late Preclassic: the rise and fall of early Mesoamerican civilization* / Ed. By M. Love and J. Kaplan. Boulder. 2011. P. 47-76.

26. Michels J.W. *The Kaminaljuyu Chiefdom*. University Park, 1979.

27. Miles S. Sculpture of the Guatemala-Chiapas Highlands and Pacific Slopes, and Associated Hieroglyphs // *Handbook of Middle American Indians. Part 1: Archaeology of Southern Mesoamerica*. Austin, 1965. P. 237-275.

28. Murdy C.N. Prehispanic Settlement and Society in the Valley of Guatemala, 1500 B.C. – A.D. 1524 // *Arqueología Mesoamericana*. Homenaje a William T. Sanders. México, 1996. Vol. 2. P. 79-107.
29. Murdy C.N. Prehistoric Man-Land Relationships through Time in the Valley of Guatemala (Paleodemography, Soils, Sociopolitical Evolution). Unpublished PhD. dissertation. The Pennsylvania State University, 1984.
30. Nelson F.W., Clark J.E. Obsidian production and exchange in Eastern Mesoamerica // *Rutas de intercambio en Mesoamérica*. III Coloquio Pedro Bosch Gimpera. México, 1998. P. 277-333.
31. Parsons L.A. The Origins of Maya Art: Monumental Stone Sculpture of Kaminaljuyu, Guatemala and the Southern Pacific Coast. Washington, 1986.
32. Parsons L.A., Jenson P.S. Boulder Sculpture on the Pacific Coast of Guatemala // *Archaeology*. 1965. Vol. 18, № 2.
33. Popenoe de Hatch M. Cambios culturales en la cerámica de Kaminaljuyú durante los periodos Preclásico y Clásico Temprano // Segundo y Tercer Foro de Arqueología de Chiapas. Tuxtla Gutierrez, 1993.
34. Popenoe de Hatch M., Ponciano E., Barrientos N., Brenner M., Ortloff C. Climate and Technological Innovation at Kaminaljuyu, Guatemala // *Ancient Mesoamerica*. 2002. Vol. 13. P. 103-114.
35. Richardson F.B. Non Maya Monumental Sculpture of Central America // *The Maya and Their Neighbours*. Washington, 1940. P. 395-416.
36. Sanders W. Chieftdom to State: Political Evolution at Kaminaljuyu, Guatemala // *Reconstructing Complex Societies: An Archaeological Colloquium* / Ed. By C. Moore. Cambridge, 1974. P. 97-113. (Bulletin of the American Schools of Oriental Research. Supplementary Studies, No. 20).
37. Sharer R.J., Sedat D.W. Archaeological Investigations in the Northern Maya Highlands, Guatemala: Interaction and the Development of Maya Civilization. Philadelphia, 1987.
38. Shook E. Guatemala, 1951 // *The Carnegie Maya: the Carnegie Institution of Washington Maya research program, 1913-1957* / John M. Weeks and Jane Hill, compilers. Boulder, 2006. P. 465-466.
39. Shook E., Popenoe de Hatch M. Las Tierras Altas Centrales: Períodos Preclásico y Clásico // *Historia General de Guatemala*. Vol. 1. Epoca precolombina / M. Popenoe de Hatch, ed. Guatemala, 1999. P. 289-318.
40. Shook E., Kidder A. Mound E-III-3, Kaminaljuyu, Guatemala // *Contributions to American Anthropology and History* / Carnegie Institute of Washington. Vol. 12 (53). P. 33-127.
41. Taube K. A Representation of the Principal Bird Deity in the Paris Codex // *Research Reports on Ancient Maya Writing*. Washington, 1987. № 6.
42. The southern Maya in the Late Preclassic: the rise and fall of early Mesoamerican civilization / Ed. By M. Love and J. Kaplan. Boulder. 2011.
43. Velásquez J.L. Un entierro múltiple dedicatorio, a finales del Preclásico Medio en Kaminaljuyú, Guatemala // *Memorias del Primer Congreso Internacional de Mayistas: Mesas redondas*. Arqueología. Epigrafía. México, 1992. P. 39-48.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Belyaev D.D. Eshhyo raz k voprosu o sotsial'no-politicheskoy organizatsii ol'mekskoj kul'tury // *Politicheskaya antropologiya traditsionnykh i sovremennykh obshhestv: materialy mezhdunarodnoj konferentsii*. Vladivostok: Izdatel'skij dom Dal'nevost. federal. un-ta, 2012. S. 3-29.
2. Davletshin A.I. Simvoly vlasti v rannej yugo-vostochnoj Mezoamerike: tekst i ikonografiya na stele 5 iz Abakh-Takalika, Gvatemala // *Vlast' v aborigennoj Amerike. Problemy indeanistiki*. M., 2006. C.142-158.

3. Karnejro R. Protsess ili stadii: lozhnaya dikhotomiya v issledovanii istorii vozniknoveniya gosudarstva // *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii*. M., 2000. S. 84-94.
4. Kradin N.N. Kochevniki, mir-imperii i sotsial'naya ehvolyutsiya // *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii*. M., 2000. S.314-336.
5. Amaroli, P. A newly discovered potbelly sculpture from El Salvador and a reinterpretation of the genre // *Mexicon*. 1997. Vol. 19, No. 3. P. 51-53.
6. Arroyo B. Cronología // *Entre cerros, cafetales y urbanismo en el valle de Guatemala: Proyecto de Rescate Naranja* / Ed. por B. Arroyo. Guatemala, 2010. P. 185-194.
7. Arroyo B. Monumentos // *Entre cerros, cafetales y urbanismo en el valle de Guatemala: Proyecto de Rescate Naranja* / Ed. por B. Arroyo. Guatemala, 2010. P. 57-103.
8. Bardawil L.W. The Principal Bird Deity in Maya Art: An Iconographic Study of Form and Meaning // *The Art, Iconography, and Dynastic History of Palenque, Part III. Proceedings of the Segunda Mesa Redonda de Palenque, 1974* / Ed. By M.G. Robertson. Pebble Beach, 1976. P. 195-209.
9. Bernal I. *El mundo olmeca*. México, 1968.
10. Borhegyi S. de. *Archaeological Synthesis of the Guatemala Highlands // Handbook of Middle American Indidans. Part 1: Archaeology of Southern Mesoamerica*. Austin, 1965. P. 3-58.
11. Borhegyi S. de. *The Development of Folk and Complex Cultures in the Southern Maya Area // American Antiquity*. 1956. Vol. 21. P. 343-356.
12. Borhegyi S. de. *Settlement Patterns in the Guatemala Highlands // Handbook of Middle American Indidans. Part 1: Archaeology of Southern Mesoamerica*. Austin, 1965. P. 59-75.
13. Bove F. *The People with No Name: Some Observations about the Plain Stelae of Pacific Guatemala, El Salvador, and Chiapas with Respect to Issues of Ethnicity and Rulership // The southern Maya in the Late Preclassic: the rise and fall of early Mesoamerican civilization* / Ed. By M. Love and J. Kaplan. Boulder. 2011. P. 77-114.
14. Bryant D., Clark J. *Los primeros mayas precolombinos de la cuenca superior del Río Grijalva // Antropología e historia de los mixe-zoques y mayas: (Homenaje a Frans Blom)*. México, 1983.
15. Chinchilla O. *La Vagina Dentada: Una Interpretación de la Estela 25 de Izapa y las Guacamayas del Juego de Pelota de Copán // Estudios de Cultura Maya*. 2010. Vol. 36. P. 117-144.
16. Demarest A., Switsur R., Berger R. *The Dating and Cultural Associations of the "Potbellied" Sculptural Style: New Evidence from Western El Salvador // American Antiquity*. 1982. Vol. 47, No. 3. P. 557-571.
17. Demarest A., Sharer R. *Late Preclassic Ceramic Spheres, Culture Areas, and Cultural Evolution in the South-eastern Highlands of Mesoamerica // The Southeast Maya Periphery* / P.A. Urban and E. Schortman, eds. Austin, 1986. P. 195-223.
18. Houston S.D., Stuart D. *The Ancient Maya Self: Personhood and Portraiture in the Classic period // RES: Anthropology and Aesthetics*. 1998. Vol. 33. P. 73-102.
19. *Kaminaljuyu and Teotihuacan: A Study in Prehistoric Culture Contact*. University Park, 1977.
20. Kaplan J. *Rulership and Ideology at Late Preclassic Kaminaljuyu: A Comparative study*. Unpublished PhD. dissertation. Yale University, 1999.
21. Kaplan J. *Miraflores Kaminaljuyu: Corpse and Corpus Delicti // The southern Maya in the Late Preclassic: the rise and fall of early Mesoamerican civilization* / Ed. By M. Love and J. Kaplan. Boulder. 2011. P. 237-286.
22. Kidder A.J. *Archaeological Investigations at Kaminaljuyu, Guatemala // Proceedings of the American Philosophical Society*. Philadelphia, 1961. Vol. 105. P. 559-570.

23. Kidder A.J., Jennings J., Shook E. Excavations at Kaminaljuyu, Guatemala. Washington, 1946.
24. Lathrap S. Stone Sculptures from the Finca Arevalo, Guatemala // *Indian Notes*. New York, 1926. Vol. 3, № 3. P. 147-171.
25. Love M. Cities, States and City-State Culture in the Late Preclassic Southern Maya Region // *The southern Maya in the Late Preclassic: the rise and fall of early Mesoamerican civilization* / Ed. By M. Love and J. Kaplan. Boulder. 2011. P. 47-76.
26. Michels J.W. *The Kaminaljuyu Chiefdom*. University Park, 1979.
27. Miles S. Sculpture of the Guatemala-Chiapas Highlands and Pacific Slopes, and Associated Hieroglyphs // *Handbook of Middle American Indians*. Part 1: *Archaeology of Southern Mesoamerica*. Austin, 1965. P. 237-275.
28. Murdy C.N. Prehispanic Settlement and Society in the Valley of Guatemala, 1500 B.C. – A.D. 1524 // *Arqueología Mesoamericana. Homenaje a William T. Sanders*. México, 1996. Vol. 2. P. 79-107.
29. Murdy C.N. *Prehistoric Man-Land Relationships through Time in the Valley of Guatemala (Paleodemography, Soils, Sociopolitical Evolution)*. Unpublished PhD. dissertation. The Pennsylvania State University, 1984.
30. Nelson F.W., Clark J.E. Obsidian production and exchange in Eastern Mesoamerica // *Rutas de intercambio en Mesoamérica. III Coloquio Pedro Bosch Gimpera*. México, 1998. P. 277-333.
31. Parsons L.A. *The Origins of Maya Art: Monumental Stone Sculpture of Kaminaljuyu, Guatemala and the Southern Pacific Coast*. Washington, 1986.
32. Parsons L.A., Jenson P.S. *Boulder Sculpture on the Pacific Coast of Guatemala* // *Archaeology*. 1965. Vol. 18, № 2.
33. Popenoe de Hatch M. Cambios culturales en la cerámica de Kaminaljuyú durante los periodos Preclásico y Clásico Temprano // *Segundo y Tercer Foro de Arqueología de Chiapas*. Tuxtla Gutierrez, 1993.
34. Popenoe de Hatch M., Ponciano E., Barrientos N., Brenner M., Ortloff C. Climate and Technological Innovation at Kaminaljuyu, Guatemala // *Ancient Mesoamerica*. 2002. Vol. 13. P. 103-114.
35. Richardson F.B. *Non Maya Monumental Sculpture of Central America // The Maya and Their Neighbours*. Washington, 1940. P. 395-416.
36. Sanders W. Chiefdom to State: Political Evolution at Kaminaljuyu, Guatemala // *Reconstructing Complex Societies: An Archaeological Colloquium* / Ed. By C. Moore. Cambridge, 1974. P. 97-113. (*Bulletin of the American Schools of Oriental Research. Supplementary Studies*, No. 20).
37. Sharer R.J., Sedat D.W. *Archaeological Investigations in the Northern Maya Highlands, Guatemala: Interaction and the Development of Maya Civilization*. Philadelphia, 1987.
38. Shook E. Guatemala, 1951 // *The Carnegie Maya: the Carnegie Institution of Washington Maya research program, 1913-1957* / John M. Weeks and Jane Hill, compilers. Boulder, 2006. P. 465-466.
39. Shook E., Popenoe de Hatch M. Las Tierras Altas Centrales: Períodos Preclásico y Clásico // *Historia General de Guatemala*. Vol. 1. *Epoca precolombina* / M. Popenoe de Hatch, ed. Guatemala, 1999. P. 289-318.
40. Shook E., Kidder A. Mound E-III-3, Kaminaljuyu, Guatemala // *Contributions to American Anthropology and History* / Carnegie Institute of Washington. Vol. 12 (53). P. 33-127.
41. Taube K. *A Representation of the Principal Bird Deity in the Paris Codex* // *Research Reports on Ancient Maya Writing*. Washington, 1987. № 6.
42. *The southern Maya in the Late Preclassic: the rise and fall of early Mesoamerican civilization* / Ed. By M. Love and J. Kaplan. Boulder. 2011.
43. Velásquez J.L. Un entierro múltiple dedicatorio, a finales del Preclásico Medio en Kaminaljuyú, Guatemala // *Memorias del Primer Congreso Internacional de Mayistas: Mesas redondas*. Arqueología. Epigrafía. México, 1992. P. 39-48.